

15. Там же. 1936. 28 мая.
16. Там же. 11 октября.
17. ГАТО. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 11. Л. 17–18.
18. Красное знамя. 1930. 7 мая.
19. Там же. 1936. 8 августа.
20. Там же. 1937. 24 сентября.
21. Там же. 1935. 21 июля; 1940. 4 апреля.
22. Там же. 1939. 29 декабря.
23. Там же. 1935. 21 июля.
24. Там же. 1940. 8 мая.
25. ГАТО. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.
26. Красное знамя. 1941. 3 января.
27. ГАТО. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–11.
28. Там же. Д. 10. Л. 5–6.
29. Там же. Л. 72.
30. Красное знамя. 1928. 13 июня.
31. ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 844. Л. 46.
32. Красное знамя. 1927. 2 августа.
33. ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 844. Л. 45–46.
34. Там же. Д. 1004. Л. 124.

Оксана Владимировна ИЩЕНКО —
доцент кафедры гуманитарных
и естественно-научных дисциплин
филиала Уральской академии
государственной службы в г. Лангепасе,
кандидат исторических наук

УДК 372

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАЩИХСЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА ПРОЯВЛЕНИЕ
ИХ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ (1907–1910 ГГ.)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению основных социальных характеристик (сословного происхождения, материального и правового положения) учащихся различных учебных заведений Западной Сибири в период реакции (1907–1910 гг.) и их влияния на общественную активность. В работе отражены сюжеты, указывающие на связь протестных действий сибирской учащейся молодежи со студенческим движением и др.

The author considers the basic social characteristics (social origin, material and legal conditions) of various educational establishments students in Western Siberia and their influence upon public activity of young people between 1907–1910, and demonstrates the connection of Siberian students' protest activity with that of university students as well as the influence of political parties.

Бурное развитие капитализма в России в конце XIX–начале XX вв. привело к возрастанию потребности в профессиональных кадрах и к естественной необходимости повышения образовательного уровня населения. Динамичный рост российской экономики позволил заметно увеличить поступления в государственный бюджет, что давало возможность наращивать затраты на просвещение и обусловило расширение сети учебных заведений всех типов, которые создавались и на средства казны, и местных властей, и частных лиц.

Подобные процессы были характерны и для Западной Сибири. Капиталистическое развитие региона, ускоренное строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и переселенческое движение оказали значительное влияние на состояние народного образования. Заметно расширилась, в частности, в начале XX в. система среднего, среднеспециального и профессионального образования. Так, в 1900 г. средняя общеобразовательная школа в крае (с учетом прогимназий, дававших неполное среднее образование) была представлена 21 учебным заведением, в том числе 3 мужскими гимназиями, 3 реальными училищами, 3 женскими гимназиями и 12 женскими прогимназиями [1, с. 368–369]. А к 1 января 1909 г. на территории Западной Сибири действовало уже 25 общеобразовательных заведений, среди них 4 мужские гимназии с числом учащихся более 1,3 тыс. человек, 4 реальных училища, где обучалось свыше 1 тыс. человек, 12 женских гимназий с числом учащихся около 5 тыс. человек и 5 женских прогимназий [2, с. 50–210].

Наряду с ростом числа общеобразовательных заведений в Западной Сибири в конце XIX–начале XX вв. происходило постепенное расширение сети средних специальных учебных заведений, а также профессиональных школ. Необходимость их открытия во многом была обусловлена потребностями региона в кадрах соответствующей квалификации. По профилю средние специальные учебные заведения в крае подразделялись на педагогические, технические, сельскохозяйственные, коммерческие и др. Профессиональное образование в Западной Сибири было представлено ветеринарными и фельдшерскими школами, железнодорожными училищами, механико-техническим училищем и т. п.

С целью сохранения сословного характера общества, правительство стремилось ограничить доступ к среднему образованию выходцев из непривилегированных сословий посредством установления высокой платы за обучение и наличием предварительного образовательного ценза. Согласно «циркуляру о кухаркиных детях» от 18 июня 1887 г. директорам гимназий и прогимназий было разъяснено, чтобы они «принимали в эти учебные заведения только детей таких, которые находятся на попечении лиц, представивших достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства...». «Таким образом, — говорилось в циркуляре, — при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров... и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» [3, с. 25].

Осуществлению задачи сохранения сословного характера образования способствовало и заметное превышение числа желающих получить среднее образование над количеством мест в учебных заведениях. Однако происходивший в стране в начале XX в. процесс формирования гражданского бессословного общества неизбежно приводил к увеличению разночинской прослойки среди учащихся. Это заметно проявлялось даже в отношении гимназий, занимавших первую строчку в иерархии средних учебных заведений. Возможности получения среднего образования для представителей низших сословий были несколько расширены в период первой российской революции. Поэтому, как отмечает исследователь В. Р. Лейкина-Свирская, в мужских гимназиях страны с 1907 по 1914 гг. число учащихся увеличилось почти в 1,5 раза — со 107,3 тыс. до 152,1 тыс., при этом доля детей дворян и чиновников сократилась с 39,6% до 32,5%, детей почетных граждан и купцов с 12,5% до 9,9%, а удельный вес сыновей крестьян возрос с 12,3% до 20% [4, с. 9].

Процессы, характеризующие изменения в сословном составе учащихся средних учебных заведений в Западной Сибири, в целом совпадали с общероссийскими тенденциями, но имели некоторую специфику. По данным историка Ф. Ф. Ша-

махова, в средних школах края уже в 1905 г. дети мещан и ремесленников составляли 39,7% от общего числа учащихся, дворян и чиновников — 35,3%, крестьян и казаков — 16,6%, почетных граждан и купцов — 4,5%, духовенства — 3,5% [5, с. 103].

Ф. Ф. Шамахов приводит в своем исследовании обобщенные данные по составу учащихся средних общеобразовательных заведений региона. Однако в учебных заведениях различных типов, например, в гимназиях и реальных училищах, состав учащихся заметно различался. Так, в классических казенных гимназиях он был менее демократичным. Например, в Томске в 1905 г. среди учащихся мужских гимназий удельный вес детей дворян и чиновников составлял 54,6%, почетных граждан и купцов — 15,9%, детей духовенства — 1,6%, мещан и ремесленников — 22,9%, крестьян — 4,6% [6, с. 83]. В Омской 1-й мужской гимназии вплоть до Первой мировой войны сохранялось преобладание детей дворян и чиновников [7; Ф. 62. Оп. 1. Д. 10. Л. 85].

В отличие от гимназий, в реальных училищах, которые были школой для городских, преимущественно торгово-промышленных кругов населения, состав учащихся строго не регламентировался, поэтому удельный вес выходцев из непривилегированных слоев здесь был выше. В частности, в Тюменском реальном училище в 1909 г. (из числа постоянно проживающих в Тюмени 261 ученика) детей дворян и чиновников было 84 (32,2%), почетных граждан и купцов — 33 (12,6%), духовенства — 3 (1,1%), мещан — 89 (34,1%), крестьян — 48 (8,4%), детей лиц иных сословий — 4 (1,6%) [8; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 514. Л. 58]. Приведенный материал свидетельствует, что доля выходцев из мещан здесь была выше, чем в гимназиях, а удельный вес детей дворян значительно ниже.

Состав учащихся средних специальных и профессиональных учебных заведений в силу ряда причин отличался еще большей демократичностью. Это было обусловлено прежде всего тем, что почти во всех из них отсутствовали сословные ограничения при приеме. С другой стороны, выпускники подобных учебных заведений были ограничены в праве поступления в вузы. Поэтому у дворян и чиновников подобные учебные заведения не пользовались большой популярностью. Кроме того, в ряде средних специальных учебных заведений плата за обучение была более низкой, чем в гимназиях или реальных училищах, а в некоторых из них, например, учительских семинариях, можно было обучаться за государственный счет, получая при этом стипендию. Это, безусловно, также привлекало сюда выходцев из непривилегированных сословий. Но даже в тех учебных заведениях, где плата за обучение была высока (в частности, в коммерческих училищах), отсутствие сословных ограничений при приеме обусловило преобладание в них детей мещан, крестьян, почетных граждан и купцов. В Томском коммерческом училище, например, это было заметно уже с момента его открытия в 1901 г. [6, с. 86–87].

Расширение доступа населения России к получению образования в начале XX в. привело не только к увеличению количества обучающихся в учебных заведениях различных типов, но и косвенно способствовало их заметному расслоению по уровню благосостояния. Материальное положение учащихся в первую очередь определялось благосостоянием их родителей. Поэтому удельный вес детей из обеспеченных семей был выше в гимназиях, где в большем количестве обучались сыновья и дочери лиц, принадлежащих к привилегированным сословиям. Выше здесь была и плата за обучение. В 1909 г., например, она составляла в мужских гимназиях Западно-Сибирского учебного округа 40–60 рублей в год, в женских (в зависимости от класса) — от 40 до 70 рублей, достигая в некоторых гимназиях 100–120 рублей [2, с. 50–201].

От платы за обучение в гимназиях освобождались 10% учащихся, что позволяло учиться в них некоторому количеству детей малообеспеченных родителей. Для их поддержки при учебных заведениях создавались Общества вспомоществования

нуждающимся ученикам, которые занимались благотворительной деятельностью, привлекая средства частных лиц, организаций и учреждений. О наличии в гимназиях известного числа нуждающихся в материальной помощи учеников позволяют судить, в частности, протоколы педагогического совета Тюменской женской гимназии за 1910 г. В них отмечен случай покушения на самоубийство ученицы 7 класса Корляковой, которая была освобождена от платы за обучение и даже получала ежемесячное пособие в размере 5 рублей от Общества вспомоществования нуждающимся гимназисткам. В связи с этим председатель педагогического совета гимназии заявил: «Педагогическим советом сразу же была сделана ошибка принятием в гимназию заведомо материально необеспеченной девочки... Гимназия переполнена без разбора детьми, не имеющими возможности при отсутствии средств учиться в среднем учебном заведении» [8; Ф. И-55. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–11].

В других общеобразовательных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения — реальных училищах, сословный состав учащихся изначально был иным, нежели в гимназиях. Здесь было меньше представителей привилегированных слоев общества, но больше детей мещан и крестьян. Плата за обучение в реальных училищах Западной Сибири составляла в 1909 г. 30–45 рублей в год [2, с. 70–81]. Условия освобождения от платы в реальных училищах были схожими с гимназиями и, в частности, в Тюменском реальном училище в 1908 г. от платы были освобождены 40 учащихся [8; Ф. И-57. Оп. 1. Д. 2. Л. 16; Д. 39. Л. 33–34].

Тяжелое материальное положение значительной части учеников реальных училищ старались облегчить существовавшие практически при всех реальных училищах Западной Сибири Общества вспомоществования нуждающимся ученикам, которые выделяли деньги на взнос платы за обучение, на выдачу пособий, приобретение учебников и т. д. Однако эти общества не могли помочь всем нуждавшимся в силу большого количества последних.

В несколько лучшем положении находились учащиеся коммерческих училищ. Плата за обучение здесь была достаточно высока (в Томском коммерческом училище, в частности, она составляла 100–120 рублей в год) [9, с. 106], что определяло преобладание среди родителей учеников лиц, связанных с торгово-предпринимательской деятельностью или состоящих на государственной службе. Поэтому доля несостоятельных учащихся здесь была ниже, чем в реальных училищах.

В ряде других среднеспециальных и профессиональных учебных заведений, где преимущественно обучались дети небогатых мещан, мелких чиновников и крестьян, плата за обучение была более умеренной (от 15 до 40 руб. в год). В некоторых учебных заведениях можно было обучаться за государственный счет. Например, в Омской учительской семинарии были учреждены 23 государственные стипендии, позволявшие большинству семинаристов учиться бесплатно. Но, несмотря на помощь государства, значительная часть учеников средних специальных и профессиональных учебных заведений находилась фактически за чертой бедности в силу принадлежности их родителей к малообеспеченным слоям населения. Местные газеты часто обращали внимание общественности на нужды учащихся. Например, в мае 1910 г. в газете «Омский телеграф» сообщалось об исключении 2 учеников из Омской учительской семинарии за невзнос платы за обучение. Особо отмечалось, что «многие из воспитанников этого училища, благодаря крайней недостаточности материальных средств, вынуждены жить на пище святого Антония» [10; 1910. 19 мая].

Материальная необеспеченность значительной части учащейся молодежи усугублялась ущемлением ее в правовой сфере. Правовое положение учащихся в основном регулировалось правилами, принятыми еще в XIX в. Согласно уставу гимназий, утвержденному в 1871 г., именно они стали единственными полноправными и привилегированными средними учебными заведениями, выпускники которых

могли поступать во все университеты и другие высшие учебные заведения империи. Ниже рангом стояли реальные и коммерческие училища. Окончившие 7-й класс реального и 8-й класс коммерческого училищ получали доступ в специальные институты. Промежуточное правовое положение занимали духовные семинарии. Их выпускники могли поступать в институты, но допускались и в некоторые университеты в случае недостаточного количества абитуриентов из других учебных заведений. В годы первой российской революции учащимся духовных семинарий, реальных и коммерческих училищ был разрешен доступ в университеты. Но в 1908 г. проект новых правил, уравнивавший права выпускников всех средних школ, не был утвержден, и преимущество при поступлении осталось у гимназистов [11, с. 263].

Учащаяся молодежь также была существенно ограничена и в области гражданских свобод. Активное участие учеников средних школ, среднеспециальных и профессиональных учебных заведений в событиях первой российской революции вынудило правительство перейти к прямому запрету некоторых форм общественной деятельности учащихся. Так, 15 ноября 1906 г. было подписано циркулярное распоряжение министра народного просвещения о недопущении никаких ученических организаций с избранными старостами, делегатами и т. п. Этим же распоряжением запрещались сходки и собрания учащихся средних учебных заведений. Согласно циркуляру от 19 декабря 1906 г. ученикам было запрещено посещать публичные представления, самим устраивать платные спектакли и концерты [8; Ф. И-57. Оп. 1. Д. 38. Л. 2]. Распоряжением от 15 марта 1907 г. министр народного просвещения П. М. Кауфман восстановил в средних учебных заведениях систему переводных экзаменов [12, с. 536], что вызвало протест со стороны учащихся и резкую критику в печати.

Со спадом революции и наступлением реакции требования властей по отношению к поведению учащихся ужесточились. В январе 1907 г. попечителем Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьевым было издано распоряжение с требованием выработки «мер к восстановлению в школах надлежащего порядка» [8; Ф. И-57. Оп. 1. Д. 38. Л. 9].

Циркуляром от 1 августа 1908 г. министр народного просвещения А. Н. Шварц потребовал от начальников средних учебных заведений восстановления в них «серьезного обучения» и «серьезной дисциплины» [3, с. 109]. Исследователь Ф. Ф. Шамахов отмечал в этой связи: «Преследуя задачу «водворения дисциплины и порядка» среди учащихся, ... министры Шварц и Кассо подчинили всю жизнь средних учебных заведений достижению этой цели: учебный процесс, воспитательная работа, система наказаний и поощрений, надзор и прочее были направлены на выколачивание из школы «вредных последствий освободительного движения» [5, с. 79–80].

От поведения учащихся зависела и возможность получения ими образования за счет государственных средств. Так, в марте 1909 г. за самовольный уход с уроков из-за конфликта с директором ученики 5 и 6 классов Томского реального училища были наказаны снижением оценки за поведение, и тем из них, кто обучался бесплатно, в этом праве было отказано. Попечитель Л. И. Лаврентьев указывал: «В будущем эту льготу следует заслужить примерным отношением к ученическим обязанностям» [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 136].

Особое внимание учебного начальства уделялось и поведению учащихся вне стен школы. Так, 20 сентября 1908 г. в Томске состоялось совещание представителей высших, средних и низших учебных заведений под председательством губернатора К. С. Нолькена по вопросу о внешкольном надзоре за воспитанниками средних учебных заведений. На нем были выработаны основные положения правил для учащихся, согласно которым они обязаны были носить форменную одежду, посе-

щать храм, иметь билеты, удостоверяющие личность. Посещение театров, садов, увеселительных мест разрешалось только с согласия начальства, а педагогам вменялось в обязанность «наблюдать за учащимися при посещении ими публичных зрелищ и содействовать полиции в деле недопущения посещения зрелищ в будние дни и нарушения ими благочиния» [14; 1908. 28 сент.]. Кроме того, правилами регламентировалось поведение учащихся на улицах, запрещалось посещение общественных библиотек, читален, участие в общественных организациях и мероприятиях [5, с. 85–87].

Педагогические советы различных учебных заведений на основе общих положений вырабатывали свои правила для учащихся и вносили в них определенные дополнения. Например, для учеников Тюменского реального училища обязательным было чтение молитвы в начале и в конце занятий. Им предписывалось аккуратно посещать уроки и сообщать адреса при проживании на частных квартирах для их инспектирования педагогами [8; Ф. И-57. Оп. 1. Д. 39. Л. 87–88]. Ученицам Тюменской женской гимназии запрещалось «садиться группами на скамьи у магазинов во время прогулки по главным улицам» [8; Ф. И-55. Оп. 1. Д. 4. Л. 34–35].

Об отсутствии у учащихся элементарных прав много писала сибирская пресса. Резко критиковал правила надзора за учащимися журнал «Сибирские вопросы», указывая, в частности, что акмолинский губернатор Неверов не разрешил учащимся посещение пьес «Живой труп» и «Анфиса», а директор Омской мужской гимназии Курочкин не пустил учеников на научно-популярные лекции по естествознанию [15; 1911. № 42–44. С. 72–73].

Отмечались в печати и неприглядные факты, характеризующие произвол педагогов в отношении учащихся. Так, в Омской фельдшерской школе директор Тарутин бил учеников по лицу, таскал за волосы, ругался, колот в лицо пинцетом [16; 1909. 28 февр.]. В «Сибирских вопросах» публиковались фрагменты из дневника гимназистки, где девушка писала о печальном впечатлении, оставшемся от школы: «Кроме... «держат», «не пущат» и «молчат» мы ничего не слышали, и то в самых грубых формах» [15; 1910. № 31–32. С. 60].

Учащаяся молодежь практически была лишена права на участие в общественной жизни, хотя бы и в абсолютно легальных ее формах. Так, по сообщению томской газеты «Сибирская жизнь», на чествовании памяти Л. Н. Толстого 26 ноября 1910 г. в Общественном собрании почти не было учащихся средних учебных заведений, так как посещение вечера не было разрешено начальством большинства школ [14; 1910. 28 нояб.]. Воспитанники учебных заведений также не допускались и к участию в деятельности разрешенных властями обществ, например, обществ просвещения или попечения о народном образовании.

Гнетущие порядки в учебных заведениях, казенщина, формализм педагогов, грубое обращение с учениками — все это оказывало влияние на настроения в среде учащейся молодежи.

Неудовлетворительное материальное положение значительной части учащихся, демократизация их социального состава, дискриминация в правовой сфере во многом определили активное участие молодежи в общественном движении в России в начале XX в. Особенно заметно это проявилось в годы первой российской революции, когда преобладающими формами движения студенческой и учащейся молодежи были политические забастовки, сходки, митинги, создание кружков и органов самоуправления, издание и распространение листовок, участие в деятельности партийно-политических организаций и др.

Однако после 3 июня 1907 г. в условиях наступившей реакции царские власти принялись усиленно искоренять «крамолу» также в стенах высших и средних учебных заведений. Министр народного просвещения А. Н. Шварц провел ряд реакци-

онных мероприятий в области средней и высшей школы. Был установлен жесткий контроль над воспитанниками учебных заведений всех типов, многие революционно настроенные студенты и учащиеся подверглись исключению, запрещена была деятельность органов студенческого представительства и т. п. [4, с. 31]. Репрессивные меры не могли не сказаться на развитии движения учащейся молодежи. Во многом это было связано с тем, что учащиеся в Западной Сибири действовали под сильным влиянием студенческой молодежи, а студенческое движение в тот момент испытывало значительные трудности. Однако спад в движении студентов и учащихся произошел не сразу. Напротив, с возобновлением занятий (после окончания летних каникул) осенью 1907 г. вузовская и учащаяся молодежь в Западной Сибири довольно бурно отреагировала на события, произошедшие в стране после третьеиюньского государственного переворота.

Факты свидетельствуют, что в первые месяцы занятий томские студенты, например, фактически игнорировали правила 11 июня 1907 г., которые значительно ограничивали свободу собраний и организаций в высшей школе. Основными формами движения вузовской молодежи в последние месяцы 1907 г. по-прежнему оставались сходки и забастовки, большинство которых носило политический характер. Особенностью студенческих сходок конца 1907 г. (как и 1905 г.) было присутствие на них учащихся, рабочих, солдат.

Особенно бурный характер молодежные выступления приняли в Томске, где в день годовщины черносотенного погрома 20 октября 1907 г. в технологическом институте состоялась сходка, на которой присутствовало около 700 человек. Прибывшая полиция переписала около 600 участников сходки и арестовала 96 человек. В их числе были не одни студенты технологического института, но также студенты университета, слушатели общеобразовательных курсов, 6 учеников Томской духовной семинарии, ученик реального училища В. Баитов и другие посторонние лица [13; Ф. 104. Оп. 1. Д. 3597. Л. 14–15]. Согласно постановлению томского губернатора за участие в сходке 417 студентов — технологов, 128 студентов университета и 55 «посторонних лиц» были подвергнуты штрафу с заменой арестом в случае несостоятельности [13; Ф. 104. Оп. 1. Д. 3597. Л. 74].

Октябрьские волнения в высшей школе нашли свое проявление и в ряде средних учебных заведений Томска. Еще 19 октября 1907 г. ученики старших классов Томской мужской гимназии несколько раз пытались устроить сходку. Для координации действий сюда прибыл бывший ученик гимназии, студент Томского университета И. Шлоссберг. Администрацией гимназии было выяснено, что среди учеников старших классов в течение нескольких дней «наблюдалось брожение» и, вероятно, ими было принято решение об участии в забастовке учащихся средних учебных заведений Томска 20 октября [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 30]. В гимназии распространялась прокламация за подписью «Группа учащихся партий социалистов-революционеров и социал-демократов», в которой содержался призыв к молодежи помнить о событиях 20 октября 1905 г. в Томске и «каждый год в этот день... выражать громко свой протест» [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 34]. 20 октября 1907 г. около половины учеников старших классов не пришли на уроки, то есть бастовали. Из явившихся на занятия большая группа гимназистов (47 человек) пыталась помешать их проведению. Они шумели, пели революционные песни («Вы жертвою пали в борьбе роковой...», «Вставай, поднимайся, рабочий народ...» и другие), стали бить оконные стекла [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 30.14; 1907. 24 окт.]. Беспорядки в гимназии были прекращены только после вмешательства полиции. За участие в них из гимназии было исключено 16 учащихся. Организатор же выступления студент И. Шлоссберг «за агитацию и подстрекательство воспитанников среднего учебного заведения к забастовке» был исключен из университета и вы-

слан из Томска [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 32, 52]. На связь действий учащихся с выступлениями студентов указывает и тот факт, что студенты технологического института приняли решение требовать обратного приема исключенных гимназистов, поскольку они, как утверждалось в постановлении, «были выражением нашей воли» [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 90].

Наряду с учениками Томской мужской гимназии, 20 октября 1907 г. провели забастовку и ученики старших классов местного реального училища. По мнению председателя родительского комитета училища профессора А. А. Введенского, учащиеся действовали под влиянием студентов, «которые, всем известно, неотразимо влияют на здешнюю учащуюся молодежь средних учебных заведений» [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 90]. Забастовка в реальном училище не была отмечена какими-либо беспорядками, ее участники отказались лишь от посещения занятий.

Однако начавшийся в 1908 г. спад студенческого движения не мог не отразиться на движении учащейся молодежи. Так, если в 1905–1907 гг. очень активно проявили себя в общественном движении ученики духовных семинарий, то после разгрома Общесеминарского союза и ареста его активистов ситуация заметно изменилась. В донесении начальника Томского губернского жандармского управления от 11 августа 1908 г. по этому поводу сообщалось: «Настрой семинаристов в течение прошлого учебного года был сдержанным, о попытках создать новую организацию вместо бывшей... сведения не получались» [17; Ф. ДП. 4 д-во.1908. Д. 77. Ч. 5. Л. 25]. На изменения в настроениях воспитанников духовных семинарий указывалось и в письме ученика Тобольской семинарии В. Белавина, датированном январем 1908 г. «Жизнь нынешнего семинара, — отмечал он, — прямо-таки удивительна, сравнительно с тем, что было год назад: карты, пивная, ответы по какой-нибудь догматике — вот альфа и омега того, чем интересуется теперь семинар. Небольшая кучка немирящихся с таким порядком вещей совершенно терроризирована инспектором семинарии и не в состоянии была провести даже выписку книг в подпольную библиотеку» [17; Ф. ДП. ОО. 1908. Д. 1. Ч. 71. Л. 1].

В очерках истории Тобольской семинарии, написанных одним из ее воспитанников, также указывалось, что после исключения ряда наиболее активных семинаристов в 1907/1908 учебном году «семинарская жизнь окончательно вошла в колею. С этих пор поверхность умиротворенной семинарии не возмущалась уже ничем. Ни о каких организациях нечего было и заикаться» [18; Ф. 530. Оп. 1. Д. 13. Л. 41–42].

В период реакции лишь среди небольшой части учащихся сохранялось стремление к организации. В выпускавшемся в конце 1907 г. некоторыми воспитанниками Тобольской духовной семинарии рукописном литературно-публицистическом журнале «Маяк» неоднократно публиковались призывы к объединению учащихся, поскольку «есть... чисто семинарские вопросы, решение которых возможно лишь при известной сплоченности..., например, вопрос об увеличении подпольной библиотеки, вопрос о борьбе со шпионством» [18; Ф. 530. Оп. 1. Д. 24. Л. 28]. В другом номере этого журнала в заметке «Где выход?» отмечалось: «Всем известно, в каком подавленном, исключаящем всякую возможность разумной свободной жизни положении находится наша многострадальная семинария». По мнению автора заметки, выход из такого положения мог быть только один — создание организации семинаристов [18; Ф. 530. Оп. 1. Д. 24. Л. 23–24].

Попытки создания ученических организаций прослеживались и в некоторых других городах Западной Сибири. Так, по агентурным сведениям, в первой половине 1908 г. в Томске в доме № 5 по Семинарскому переулку происходили собрания кружка учащихся в средних учебных заведениях города [17; Ф. ДП. ОО.1908. Д. 5. Ч. 63. Л. 54].

Иногда попытки организационного сплочения учащихся выливались в экстремистские действия, в том случае, когда эти попытки предпринимались радикально настроенной частью молодежи. В Омске, например, в учительской семинарии организовалась так называемая группа красных. От имени группы директору семинарии было отправлено письмо, в котором ему предлагалось «убраться из семинарии, да и вообще из г. Омска», дабы сберечь свою жизнь [7; Ф. 270. Оп. 1. Д. 394. Л. 188].

В Барнауле в 1908 г. полицией была выявлена организованная группа учащихся реального училища и женской гимназии, действовавшая под названием «Барнаульская группа учащихся» (БГУ) [5. С. 91.17; Ф. 124. Оп. 46. Д. 901. Л. 2–12а]. Группа издавала свой подпольный журнал, имела программу, устав, устраивала собрания. Первый параграф устава Барнаульской группы учащихся гласил: «БГУ ставит своей целью проведение в жизнь и, главным образом, в среду учащихся идей революционной борьбы и идеалов истинно человеческой жизни». Группа объявляла себя беспартийной революционной организацией и планировала развернуть широкую работу среди учащихся [19; Ф. 733. Оп. 167. Д. 495. Л. 173–175].

При обысках полицией был найден № 5 «Журнала учащихся», в передовой статье которого указывалось, что нынешнее умиротворение школы временное, и задачей настоящего момента является организация движения учащихся, согласование его с движением рабочих и с выступлениями в высших учебных заведениях [19; Ф. 733. Оп. 167. Д. 495. Л. 173–175].

Полицейской агентурой было установлено, что группа существовала с начала 1908 г. Первоначально в нее входило около 30 человек. На собрании в апреле 1908 г. членами группы рассматривался вопрос о забастовке 1 мая. Решено было выпустить прокламации и содействовать проведению забастовки, если она начнется в городе. Предполагалось устроить митинги учащихся, по возможности совместно с рабочими «в силу общности интересов» [19; Ф. 733. Оп. 167. Д. 495. Л. 173–175].

В то же время, по мере дальнейшего спада массового движения в стране, среди участников группы усилились позиции сторонников радикальных методов борьбы в форме террора. В мае 1908 г. группа выпустила воззвание за подписью «Девять», в котором осуждался царивший в стране произвол, обличались казарменные порядки, насаждавшиеся в учебных заведениях, в том числе и в Барнаульском реальном училище. В воззвании, в частности, указывалось: «Мы не можем долгие смирно, безропотно, как рабы, терпеть этот произвол, мы не можем равнодушно смотреть, как выбрасываются за борт школы... лучшие силы... Мы вступаем в борьбу с этим произволом, и тот путь, на который мы вступаем — один из крайних путей... Но у нас нет иного выхода — массовая борьба благодаря царящей реакции невозможна, и у нас остался путь борьбы единичных личностей, путь борьбы из-за угла» [20; Ф. 5. Оп. 4. Д. 144. Л. 2].

На основании текста воззвания и брошюр «К рабочим» и «К трудовому крестьянству» издания ПСР, найденных при обыске у учениц женской гимназии Е. Владимировой и П. Целыковской, полицией был сделан вывод о связи Барнаульской группы учащихся с социалистами-революционерами. За принадлежность к БГУ гимназистки О. Титова, Е. Владимирова, А. Кочетова, М. Лапина и П. Целыковская были исключены из гимназии и высланы из Томской губернии сроком на 2 года [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2357. Л. 176]. В результате репрессивных действий властей летом 1908 г. Барнаульская группа учащихся прекратила свое существование.

Радикальные настроения, в целом, не получили широкого распространения среди учащейся молодежи. Во второй половине 1908–1909 гг. выступления воспитанников средних учебных заведений даже на почве академических требований стали единичными. Редким примером здесь может служить забастовка, которую провели в октябре 1909 г. учащиеся духовной семинарии в Томске, протестовав-

шие против установленных епархиальным начальством правил внутреннего распорядка этого учебного заведения [21, с. 67].

Но в то же время, в период реакции ряд воспитанников учебных заведений края проявляли свою общественную активность участием в деятельности организаций ряда политических партий, особенно социалистического направления. Так, в ноябре 1907 г. у воспитанника Томской мужской гимназии Мощицкого были обнаружены прокламации и подписные листы РСДРП для сбора пожертвований в пользу политических заключенных [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 69; Ф. 101. Оп. 1. Д. 229].

В Барнауле в мае 1908 г. при обыске у А. Лапиной и ее сестры гимназистки М. Лапиной были найдены 2 гектографа, воззвания и прокламации Барнаульского комитета РСДРП, а также другая политическая литература. М. Лапина была исключена из гимназии и выслана из Томской губернии [13; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2357. Л. 89–90].

В Омске, где в 1907 г. местными социал-демократами было организовано несколько кружков, пропагандистскую работу в них вели и учащиеся. «Кружки в городе организовывались по профессиям..., — отмечал в своих воспоминаниях участник событий Ф. Г. Виноградов. — Занятия в кружках вела пропагандистская группа при Омском комитете, состоявшая главным образом из подготовленной учащейся молодежи: студентов, гимназистов и проч. Всего в городе летом было кружков 6–10, а на станции — 4–6» [22; Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Л. 120, 122]. В конце 1907 г. в Омске работали 6 социал-демократических кружков, в том числе 1 в союзе учащихся [23, с. 142]. В 1909 г. нелегальная социал-демократическая литература поступала в Омск на имя ученика Омского железнодорожного технического училища А. Калашникова. При обыске у него были обнаружены нелегальные издания и литографированные отчеты Омского комитета РСДРП. Калашников был обвинен в принадлежности к РСДРП и выслан из Омска [7; Ф. 270. Оп. 1. Д. 324. Л. 91–92; Д. 408. Л. 4].

Своих сторонников в среде учащейся молодежи имели также и представители партии социалистов-революционеров. В Томске, например, в 1908 г. воспитанник местной духовной семинарии Яцутин входил в состав военной организации ПСР. К членам ПСР в Томске полиция относил ученицу фельдшерских курсов К. Звереву и гимназиста Акуловского [17; Ф. ДП. ОО.1908. Д. 9. Ч.65. Лит. А. Л. 11, 62 64].

В другом сибирском городе — Омске — роль учащейся молодежи в деятельности эсеровского подполья была особенно заметна. «Помимо рабочей организации, — отмечалось в сводках Омского жандармского управления за октябрь 1907 г., — социал-революционная группа, безусловно, ведет работу в городском районе среди телеграфистов, приказчиков, учащихся, войска и рабочих... Среди учащихся социал-революционная группа пользуется сильным влиянием» [7; Ф. 270. Оп. 1. Д. 56. Л. 25]. О существенном влиянии местных эсеров на учащуюся молодежь можно судить и по тому обстоятельству, что в декабре 1907 г. во время обыска у ученика 5 класса мужской гимназии П. Фокина были обнаружены прокламации, принадлежности для гектографа и несколько экземпляров гектографированного журнала «Простор», изданного группой учащихся социалистов-революционеров. П. Фокин фигурировал в числе членов Омской организации ПСР и в 1909 г. [23, с. 141.7; Ф. 270. Оп. 1. Д. 58. Л. 97; Д. 523. Л. 3]. В 1908 г. в составе организации полицией назывался ученик 6 класса Омской мужской гимназии М. Федоров, который, как отмечали жандармы, «ведет знакомство с политически неблагонадежными людьми и собирает деньги на революционные нужды партии» [17; Ф. ДП. ОО.1908. Д. 9. Ч. 38. Л. 26].

Помимо эсеров, леворадикальные партийные группировки в Сибири были представлены также анархистами. В Западной Сибири деятельность анархистов проявлялась в Омске, Барнауле, Томске, причем значительную часть членов анархист-

ских групп в Омске и Томске составляли студенты и учащиеся. Радикальные методы борьбы, признаваемые анархистами, такие как экспроприации и террор, зачастую привлекали молодежь с ее неустоявшимся мировоззрением, поэтому возраст многих анархистов не превышал 20–25 лет.

Так, в Омске в состав местной анархистской группы входило около 30 человек, в том числе учащиеся, служащие, ремесленники. Анархисты выдвинули призыв: «Давайте отберем у буржуев все их капиталы!». В этой связи член Омской организации РСДРП Ф. Г. Виноградов позже писал в своих воспоминаниях: «Несмотря на всю вздорность этих положений и их нелепую аргументацию и агитацию, анархисты кое-где имели успех. Несколько горячих голов среди рабочих и учащейся молодежи серьезно увлеклись этой анархистской дребеденью» [22; Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Л. 123–124]. Активными деятелями омской группы анархистов являлись ученик центральной фельдшерской школы Карташев, ученик Воложенский, некий Николай по кличке «бывший семинарист», гимназистка Ротанина, ученик молочной школы Д. Кривошейкин, гимназисты Алифанов, Зайцев, Золотарев [7; Ф. 270. Оп. 1. Д. 398. Л. 156.22; Ф. 19. Оп. 1. Д. 6. Л. 123–124].

Необходимо заметить, что выявленные примеры участия воспитанников средних и профессиональных учебных заведений Западной Сибири в деятельности политических партий в период реакции не носили массового характера, но, тем не менее, отражали сохранившееся в молодежной среде определенное партийное влияние.

Таким образом, очевидно, что в период реакции движение воспитанников средних, среднеспециальных и профессиональных учебных заведений в Западной Сибири хотя и уступало по своему размаху движению студенческой молодежи, но в то же время заметно выделялось на фоне явного спада общественного движения в России периода третьей монархии. Определяющими моментами, непосредственно влиявшими на протестную активность учащейся молодежи, были как общее состояние освободительного движения в стране, так и связь со студенческим движением, а также деятельность в молодежной среде различных политических партий.

В заключение, определяя влияние социальных характеристик учащихся Западной Сибири на проявление их общественной активности, следует отметить, что различное социальное происхождение было одной из причин, по которой значительная часть сибирских учащихся испытывала материальные трудности. Свою роль в этом сыграла и политика правительства, стремившегося поставить материальную поддержку воспитанников учебных заведений в зависимость от их политической лояльности. Материальная необеспеченность учащейся молодежи дополнялась ее ущемлением в сфере гражданских прав и свобод. Расширение прав воспитанников учебных заведений в годы первой революции в России сменилось затем запретом на свободу слова, собраний и организаций в период реакции. Таким образом, социальное происхождение, материальное и правовое положение воспитанников учебных заведений в Западной Сибири во многом определили участие этой категории населения в общественном движении в крае, что было обусловлено необходимостью борьбы за свои права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Сибири. Т. 3. Л.: Наука, 1968. 532 с.
2. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. Томск, 1909. 398 с.
3. Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. М.: Учпедгиз, 1956. 247 с.
4. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 285 с.
5. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. 196 с.

6. Шамахов Ф. Ф. Школы дореволюционного Томска // Ученые записки ТГПИ. Т. XII. Томск, 1954. С. 5–107.
7. Государственный архив Омской области.
8. Государственный архив Тюменской области.
9. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. 252 с.
10. Омский телеграф.
11. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX–начале XX века. М.: Ин-т истории СССР; АН СССР, 1991. 392 с.
12. Отечественная история: энциклопедия. Т. 2. М., 1996. 689 с.
13. Государственный архив Томской области.
14. Сибирская жизнь.
15. Сибирские вопросы.
16. Омский вестник.
17. Государственный архив Российской Федерации.
18. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области.
19. Российский государственный исторический архив.
20. Государственный архив Новосибирской области.
21. Толочко А. П. Борьба большевиков в Сибири за вовлечение в революционное движение студенческой и учащейся молодежи (1907–1914 гг.) // Борьба большевиков в Сибири за массы в период первой русской революции и нового революционного подъема. Омск: ОГПИ, 1984. С. 64–79.
22. Центр документации новейшей истории Омской области.
23. Толочко А. П., Плотников А. Е., Родионов Ю. П., Зиновьев В. П. Общественное движение в Омске 1895–февраль 1917 гг. Томск, 1996. 254 с.

Евгений Михайлович АКУЛИЧ —
директор Тобольского государственного
историко-архитектурного
музея-заповедника,
кандидат педагогических наук

УДК 908

РОЛЬ «ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КРАЯ» ПРИ МУЗЕЕ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается деятельность общественной организации «Общество изучения края» при Музее Тобольского Севера в 20-х гг. XX в. в деле формирования гражданского общества.

The author considers the activity of the “Regional Research Society” that functioned in the 1920s at the Museum of Tobolsk North and focuses upon the role of this society in civil relations.

Окончательная победа Красной Армии в Тобольске в 1919 г. позволила возобновить систематическую деятельность Тобольского музея. В 20-е гг. здесь продолжилась работа, связанная с широким развитием краеведения и всесторонним изучением Сибирского края. Проследовавшие через Тобольск в эти годы многие научные экспедиции также ставили своей целью изучение природных ресурсов Западной Сибири. Музей имел контакты с руководителями Гыданской и Ямальской экспедиций (Городков и Евладов), геологической Северо-Уральской (Заварницкий), лесозащитно-экономической (Пелинович), этнографической (Митусова) и др. В 1920 г. он превращается в типовой краеведческий музей, положивший в основу структуры своей деятельности «комплексно-ландшафтную систему». Постоянные террито-